

ГРАФЪ П. Д. КИСЕЛЕВЪ И ЕГО ВРЕМЯ. МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ИСТОРІИ ИМПЕРАТОРОВЪ АЛЕКСАНДРА I, НИКОЛАЯ И АЛЕКСАНДРА II. СОЧ. А. П. ЗАБЛОЦКАГО-ДЕСЯТОВСКАГО. I—IV. СПБ. 1882. 8.

Рецензія професора И. Е. Энгельмана.

Сочиненіе покойнаго А. П. Заблоцкаго-Десятовскаго справедливо обращаетъ на себя вниманіе лицъ, интересующихся исторіею нынѣшняго вѣка, и вызвало собою уже нѣсколько рецензій: въ Journal de St. Pétersbourg, 1881, №№ 342 и 344, въ Отечественныхъ Запискахъ 1882, Январь, въ Русской Старинѣ 1882, Февраль. Главное значеніе сочиненія состоитъ въ сообщаемомъ въ немъ богатомъ историческомъ матеріалѣ. Въ немъ недостаетъ плавнаго, равномѣрнаго историческаго изложенія и встрѣчается много пробѣловъ по весьма важнымъ вопросамъ, такъ что сочиненіе не представляетъ собою ни полной біографіи графа Киселева, ни всесторонняго изображенія характера его времени. Такъ напр. о его молодости, о его воспитаніи, о его семейныхъ отношеніяхъ сообщается слишкомъ мало, отношеніе его къ женѣ остается почти совершенно неразъясненнымъ. Между тѣмъ послѣднее имѣло очевидно сильное вліяніе на него и на особенности его характера. Но авторъ только вскользь указываетъ на размолвку между супругами — размолвку, которая имѣла послѣдствіемъ, что они разошлись на всю жизнь. Объ этомъ впрочемъ упоминается мимоходомъ, по случаю назначенія Киселева посломъ въ Парижъ. Неразъясненнымъ остается также отношеніе Киселева къ брату его, Николаю Дмитріевичу. На этого младшаго брата Павелъ Дмитріевичъ перенесъ всю свою любовь, всю нѣжность, къ которой былъ способенъ. Желая помѣстить своего брата

въ Ришельевскій лицей онъ вникаетъ въ дѣла лицея, предлагаетъ лучшую организацію, наконецъ самъ готовъ принять на себя надзоръ надъ нимъ. Позже, когда братъ его пошелъ по дипломатической карьерѣ, онъ постоянно слѣдитъ за нимъ, находится въ дѣятельной перепискѣ съ нимъ, свиданія съ братомъ почти единственное утѣшеніе его. Въ III т. на стр. 423 мы читаемъ въ письмѣ Н. В. Ханыкова, «въ концѣ 71 года послѣдовало разочарованіе графа на счетъ его брата»—и только.

Пробѣлы относятся не только къ личнымъ отношеніямъ Павла Дмитріевича, но и къ дѣламъ политическимъ. Такъ напримѣръ мы слишкомъ мало узнаемъ о вмѣшательствѣ Наполеона III по польскимъ дѣламъ и рѣшительно ничего не узнаемъ о мексиканской экспедиціи [1]).

---

[1]) Отмѣтимъ нѣкоторыя погрѣшности и ошибки, которыя встрѣчаются въ сочиненіи.

Въ I томѣ авторъ, неизвѣстно почему, пишетъ бояры, бояровъ, вмѣсто бояре, бояръ. Румынскій бояринъ такой-же какъ и русскій, поэтому нѣтъ никакой причины склонять это слово особеннымъ образомъ.

Въ III т. на стр. 24 авторъ называетъ власть короля Прусскаго, который въ тоже время былъ княземъ Нефшательскимъ, гегемоніею, между тѣмъ какъ этимъ словомъ означается положеніе государства первенствующаго между своими союзниками. Надо было сказать: власть короля Прусскаго упразднилась.

На стр. 68 авторъ переводитъ enclaves — замкнутыя земли, между тѣмъ это слово означаетъ: чрезполосныя владѣнія или, если это слово неудобно примѣнять къ междугосударственнымъ отношеніямъ: земли или владѣнія включенныя въ другія, чужія.

На стр. 85 предложеніе: il gagne sa cause, qui lui assure son portefeuille переводится: «онъ служитъ дѣлу, которое оставитъ за нимъ управленіе», между тѣмъ оно значитъ: «онъ выигрываетъ дѣло и этимъ сохраняетъ за собою министерство».

На стр. 253 выраженіе: должно стараться сохранить его (т. е. союзъ съ Франціею) не *контролируя* онаго нескромною и по меньшей мѣрѣ безполезною болтовнею»—непонятно, оно или неправильно переведено или слѣдуетъ читать: «не компрометируя».

На стр. 270: esprit переводится партія, должно быть: духъ.

» » 376 censeur privé переводится: приватный цензоръ, м. т. должно быть: тайный цензоръ.

На стр. 312 Киселевъ пишетъ, что будто *Тиберій* сказалъ O Vare etc.; это сказалъ *Августъ*.

На стр. 236 авторъ отмѣтилъ, что Краковская газета Часъ ошибочно назвала брата Павла Дмитріевича графомъ, не зная, что лишь послѣдній былъ пожалованъ въ графы, а на стр. 129 онъ самъ величалъ Бисмарка графомъ въ такое время (1859 г.), въ которое тотъ графомъ еще не былъ. Бисмаркъ былъ пожалованъ въ графы въ тотъ день, когда княжество Лауенбургъ дѣйствительно перешло къ Пруссіи, въ 1865 году.

Если авторъ такимъ образомъ и не даетъ намъ ни біографіи графа Киселева, ни изображенія его времени, то всетаки сообщаетъ весьма любопытный и весьма важный матеріалъ для исторіи трехъ Русскихъ Государей и для характеристики многихъ европейскихъ современниковъ, напр. Императора Наполеона III, его супруги и разныхъ государственныхъ людей Франціи.

Въ I томѣ изображаются первые годы и начало службы Киселева, служба его начальникомъ главнаго штаба второй арміи, участіе въ войнѣ съ Турціей и правленіе Дунайскими княжествами.

II томъ содержитъ въ себѣ: управленіе министерствомъ государственныхъ имуществъ и участіе въ крестьянскомъ вопросѣ.

III томъ: дипломатическую службу въ Парижѣ съ 1856 по 1862 годъ и послѣдніе годы его 1863—1872.

IV т. содержитъ въ себѣ приложенія, т. е. самые документы, на которыхъ основано большею частію то, что изложено въ первыхъ трехъ томахъ.

Обратимся теперь къ источникамъ, которыми пользовался авторъ. Къ сожалѣнію, мы узнаемъ объ нихъ весьма мало, а то что̀ мы узнаемъ, весьма неудовлетворительно. Мы узнаемъ, что авторъ пользовался для своего сочиненія архивомъ самого Киселева, принадлежащимъ нынѣ графу Д. А. Милютину, а также и архивомъ Е. И. Высочества Великаго князя Константина Николаевича, и что архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ остался для него закрытымъ. Послѣднее случилось не смотря на то, что авторъ—членъ Государственнаго Совѣта и сочиненіе его обратило на себя вниманіе Его Величества Государя Императора Александра II. Весьма важную часть архива графа Киселева составляютъ дневникъ и записки его; значеніе ихъ тѣмъ важнѣе, что, по свидѣтельству автора, они не имѣли никакой преднамѣренной цѣли, и графъ Киселевъ, ведя ихъ, удовлетворялъ лишь потребности ума пытливаго, постоянно дѣятельнаго, привычкѣ отдавать самому себѣ ежедневно отчетъ въ томъ что онъ видѣлъ и слышалъ замѣчательнаго; въ нихъ авторъ представляется такимъ, какимъ былъ въ дѣйствительности.—Изъ этихъ архивовъ и главнымъ образомъ изъ архива самого графа Киселева авторъ заимствовалъ свой матеріалъ, но онъ не сообщаетъ о томъ, чѣмъ руководствовался онъ при выборѣ матеріаловъ изъ этихъ архивовъ вообще и въ частности при выборѣ для помѣщенія въ приложеніяхъ къ своему сочиненію?

Между тѣмъ изъ того, что сообщаетъ авторъ, можно, кажется не ошибаясь, предположить, что архивъ графа Киселева содержитъ

въ себѣ много документовъ, которыми, по разнымъ причинамъ, не пользовался авторъ. Такъ, по всей вѣроятности, въ архивѣ найдется переписка его съ женою, съ матерью, съ братомъ и т. д. Впрочемъ это только предположеніе; можетъ быть что такихъ бумагъ въ архивѣ вовсе нѣтъ. Мы этого не знаемъ. Знаемъ только, что авторъ работалъ по архивнымъ документамъ и что изъ числа ихъ сдѣлалъ выборку и напечаталъ въ приложеніяхъ. Какими началами онъ руководствовался при выборѣ мы не знаемъ. Не знаемъ помѣстилъ ли онъ напр. всю переписку съ княземъ А. Ѳ. Орловымъ, съ гр. Закревскимъ, съ княземъ Волконскимъ или только нѣкоторыя болѣе важныя письма. Есть ли въ архивѣ письма другихъ лицъ или къ другимъ лицамъ, или ихъ вовсе нѣтъ? Есть ли вообще въ этихъ архивахъ другіе документы, имѣющіе отношеніе къ графу Киселеву, или нѣтъ? Такъ какъ авторъ при своихъ предварительныхъ разысканіяхъ долженъ былъ убѣдиться во всемъ этомъ, то онъ во всякомъ случаѣ былъ въ состояніи, точными и ясными указаніями на свойство и объемъ источниковъ, устранить всѣ подобные вопросы и сомнѣнія, между тѣмъ какъ теперь для разрѣшенія ихъ необходимо новое обозрѣніе тѣхъ архивовъ.

Что-же касается до самаго важнаго источника его сочиненія «дневника и записокъ графа Киселева», то этотъ источникъ вовсе не помѣщенъ авторомъ въ приложеніяхъ. Хотя авторъ, указавъ на особенную важность этого источника, и объясняетъ, что дневникъ вошелъ почти цѣликомъ въ его сочиненіе, но такое помѣщеніе дневника въ отрывкахъ въ самомъ сочиненіи, при чемъ нѣкоторыя мѣста вовсе опущены, никакъ не можетъ замѣнить изданіе самого подлинника на языкѣ, на которомъ былъ написанъ. Чѣмъ болѣе дневникъ и записки составлены безъ преднамѣренной цѣли, тѣмъ важнѣе для интересующихся дѣломъ возможность прочесть ихъ въ подлинникѣ, въ той самой формѣ, въ какой ведены были. Для изученія характера автора дневника даже важно какъ и въ какой мѣрѣ, онъ помѣстилъ, рядомъ съ историческими и политическими явленіями, мелочи обыденной жизни.

Перейдемъ теперь къ оцѣнкѣ изложенія автора, къ рѣшенію вопроса, на сколько изображеніе служебной дѣятельности графа Киселева соотвѣтствуетъ тѣмъ источникамъ, которые намъ пока доступны. Авторъ объявляетъ, что, составляя жизнеописаніе графа Киселева, онъ отстранялъ отъ себя всякую мысль писать ему похвальное слово; цѣль его—представить замѣчательнаго историческаго человѣка такимъ, какимъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ. Онъ

желалъ сохранить достойное памяти въ прошедшемъ и могущее служить поученіемъ въ будущемъ. Похвалы его графу Киселеву будто состояли развѣ въ отрицаніяхъ несправедливаго: тамъ гдѣ нельзя было не коснуться порицаній, раздававшихся еще при жизни Киселева, порицаній, по мнѣнію автора, несправедливыхъ, близкихъ къ клеветѣ, авторъ противопоставлялъ имъ будто только факты, доказывающіе, что источникъ порицаній былъ въ самыхъ порицателяхъ, или непонимавшихъ его стремленій, или несочувствовавшихъ имъ. Наконецъ авторъ объявляетъ: «что графъ Киселевъ былъ изъ тѣхъ избранныхъ натуръ, опустѣвшее мѣсто которыхъ въ обществѣ не замѣняется скоро и воспоминаніе о которыхъ не изглаживается никогда. Жизнь такихъ людей не есть скопленіе безцѣльныхъ случайностей, въ ней проходитъ постоянное стремленіе къ достиженію нравственныхъ идеаловъ. У графа Киселева такой идеалъ состоялъ въ водвореніи законности и правды въ тѣхъ сферахъ жизни, въ которыхъ приходилось ему дѣйствовать».

«Исторія не забудетъ что Павелъ Дмитріевичъ первый изъ государственныхъ людей Россіи сталъ утверждать, что наступило время обратить вниманіе на несчастное положеніе крестьянъ, этихъ жертвъ своего невѣжества и безучастнаго къ нимъ отношенія со стороны властей. Одного этого уже достаточно для того, чтобы имя его сохранило почетное мѣсто въ русской исторіи».

Въ этихъ строкахъ авторъ является какъ онъ есть. Это былъ человѣкъ весьма симпатичный; добросовѣстность его не можетъ подлежать никакому сомнѣнію: онъ былъ убѣжденъ въ томъ, что писалъ. Но, при мягкости нрава, онъ въ друзьяхъ видѣлъ одно хорошее. При близкихъ, дружественныхъ отношеніяхъ, въ которыхъ онъ находился къ графу Киселеву, онъ смотрѣлъ на него и на всю дѣятельность его съ благоговѣніемъ. Для него очевидно было невозможно—стать на точку зрѣнія хладнокровнаго, безучастнаго зрителя и критика. Между тѣмъ для дѣйствительной оцѣнки дѣятельности какого либо лица, безпристрастное, трезвое даже холодное отношеніе къ нему и къ оцѣниваемымъ фактамъ безусловно необходимо; иначе нѣтъ возможности подмѣчать его недостатки; а не изображая, рядомъ съ хорошими, свѣтлыми сторонами его характера, его недостатковъ, не представишь его «какъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ». Пороки замѣчательнаго историческаго лица суть тѣни, бросаемыя его добродѣтелями, свѣтлыми сторонами его характера. Изображеніе тѣней необходимо для полной характеристики его. Но Андрей Парѳеновичъ никакъ не могъ свыкнуться съ мыслью,

что у Павла Дмитріевича были недостатки! При томъ, при составленіи его сочиненія была у него своя особая цѣль: онъ желалъ сохранить достойное памяти — а недостатки недостойны памяти,— или могущее служить поученіемъ въ будущемъ, а недостатки только въ отрицательномъ смыслѣ могутъ служить поученіемъ, наконецъ, по его мнѣнію, всякаго рода порицанія противъ Павла Дмитріевича несправедливы, даже просто клевета. Авторъ отвергаетъ не только отдѣльныя порицанія, но прямо добросовѣстность всѣхъ порицателей огуломъ, объявляя, что всѣ порицанія близки къ клеветѣ. Если-бы авторъ порицаніямъ дѣйствительно только противопоставилъ факты, то противъ этого нечего было бы возразить. Но, къ сожалѣнію, не такъ поступаетъ авторъ. Дѣйствительно, разсказывая факты, изображая дѣйствія, онъ поступаетъ съ большою точностію и весьма осторожно. Но какъ скоро дѣло идетъ объ оцѣнкѣ характера своего героя и побудительныхъ причинъ его дѣяній, изложеніе обращается въ апологію, и авторъ становится одностороннимъ и пристрастнымъ, при чемъ, въ своемъ ослѣпленіи, вовсе не замѣчаетъ, что его защитительскія замашки приносятъ защищаемому болѣе вреда, чѣмъ пользы.

Такова напр. полемика его противъ сужденій графа М. А. Корфа о характерѣ и дѣйствіяхъ Киселева. Этимъ сужденіямъ авторъ противопоставляетъ не факты, а свои же сужденія, голословныя утвержденія и увѣренія. Хотя нѣкоторыя сужденія графа Корфа очевидно несправедливы, другія слишкомъ рѣзки, однако вообще факты, приведенные самимъ же авторомъ, подтверждаютъ сужденія графа Корфа, а не апологію автора [1]). Кромѣ того читатель непріятно поражается тѣмъ, отчасти явнымъ, отчасти глухимъ, раздраженіемъ, которымъ проникнута полемика автора противъ М. А. Корфа. Между тѣмъ раздражаться тутъ не чѣмъ. М. А. Корфъ былъ очевидно вполнѣ убѣжденъ въ основательности и справедливости своихъ сужденій. А его добросовѣстность явствуетъ изъ того, что, гдѣ онъ убѣдился въ ошибочности своихъ сужденій, откровенно о томъ заявляетъ (II. 156), наконецъ изъ того, что самъ сообщилъ автору

---

[1]) См. также рецензію на сочиненіе А. П. Заблоцкаго-Десятовскаго, помѣщенную въ Отечественныхъ Запискахъ 1882. Январь; хотя нѣкоторые изъ приведенныхъ въ ней доводовъ не убѣдительны, напр. непріязненная осторожность и сдержанность, *проявляющаяся будто бы* въ перепискѣ гр. Киселева съ кн. А. Ѳ. Орловымъ, между тѣмъ какъ напечатанныя въ изданіи Заблоцкаго письма производятъ впечатлѣніе откровенности и дружбы, существовавшей между обоими сановниками.

выписку тѣхъ мѣстъ своихъ записокъ, въ которыхъ говорится о Киселевѣ, между тѣмъ какъ записки пока недоступны публикѣ и графъ Корфъ могъ бы и не сообщать ихъ автору.

Авторъ видитъ въ графѣ П. Д. Киселевѣ некое совершенство, приписываетъ ему всякаго рода добродѣтели. Мы не могли бы опредѣлить отличительныя черты характера графа Киселева болѣе отчетливо, чѣмъ это сдѣлано рецензентомъ Отечественныхъ Записокъ въ приведенной выше статьѣ: тонкій и ясный умъ, огромная энергія, привычка и любовь къ труду. Человѣку съ такими качествами можно простить многое. Можно понять, что у такой личности, при отсутствіи строгой работы надъ собою, при отсутствіи постояннаго стремленія къ самопознанію, чувство собственнаго достоинства мало по малу можетъ переходить въ высокомѣріе и надменность, и что, въ концѣ концовъ, въ немъ можетъ образоваться чувство какой то непогрѣшимости. Говорятъ: Tout comprendre c'est tout pardonner! Но авторъ объ этомъ и слышать не хочетъ; по его мнѣнію, графъ Киселевъ никогда не переступалъ границы необходимаго охраненія своего достоинства!

Посмотримъ, такъ ли это?

П. Д. Киселевъ сдѣлалъ блестящую карьеру: двадцати шести лѣтъ отъ роду онъ былъ уже флигель-адъютантомъ, заслужилъ личное расположеніе Государя, успѣлъ удачно окончить нѣсколько важныхъ порученій; двадцати семи лѣтъ произведенъ въ полковники а въ тридцать лѣтъ былъ уже генераломъ (время назначенія въ сочиненіи не означено). На 31 году назначенъ начальникомъ штаба южной арміи. Вблизи Государя находились люди, состоявшіе въ дружескихъ отношеніяхъ къ нему. «Такая обстановка», пишетъ авторъ (I. 21) «способствовала тому, что всѣ представленія его получали ходъ, а это развивало въ немъ пытливость, потому что былъ увѣренъ, что результаты его изслѣдованій не пропадутъ даромъ, а принесутъ пользу». Замѣчаніе автора вполнѣ справедливо, но онъ упускаетъ изъ виду, что удача во всемъ и всегда можетъ въ тоже время содѣйствовать развитію высокомѣрія и надменности, особенно въ людяхъ, въ которыхъ безъ того сильно сознаніе собственнаго достоинства. Высокомѣріе и надменность П. Д. Киселева видны изъ фактовъ, сообщаемыхъ самимъ авторомъ. Такъ напр. на стр. 158 т. II сообщается, какъ онъ въ засѣданіи Государственнаго Совѣта прямо заявилъ, что только одинъ изъ членовъ, бывшій одного съ нимъ мнѣнія, исполнилъ свой долгъ. Въ этомъ случаѣ задорное выраженіе его высокомѣрія прорвалось

въ пылу преній, въ другомъ же случаѣ оно высказалось въ гораздо сильнѣйшей степени по самому ничтожному поводу. Въ 1862 году король и королева нидерландскіе были въ Тріанонѣ въ гостяхъ у императора и императрицы Французовъ; графъ Киселевъ, русскій посолъ, не былъ въ числѣ приглашенныхъ, между тѣмъ какъ были приглашены, какъ выражается авторъ, нѣкоторые «молодые» дипломаты: князь Меттернихъ, принцъ Рейсъ, Муро. «Я не былъ въ числѣ приглашенныхъ» пишетъ по этому поводу графъ[1]), «это понятно; но было бы совершенно прилично прислать приглашеніе и мнѣ, отъ котораго я конечно отказался бы. Господи! прости имъ, ибо не вѣдаютъ, что»... Графъ Киселевъ на столько компетентенъ въ вопросахъ этикета, что мы вѣримъ ему на слово, что дѣйствительно, по отношенію къ нему, этикетъ былъ нарушенъ и онъ совершенно правъ. Но что графъ Киселевъ, по случаю вопроса этикета, въ состояніи былъ примѣнить къ себѣ изреченіе Спасителя, произнесенное послѣ того какъ тѣ же самые люди, для спасенія коихъ Онъ шелъ на смерть, распинали Его— это доказываетъ высокомѣріе по истинѣ колосальныхъ размѣровъ!

Это его высокомѣріе проявлялось не только въ рѣчахъ и по отношенію къ такимъ внѣшностямъ, каковы вопросы этикета, но въ концѣ концовъ и въ дѣйствіяхъ и въ упорной, глухой борьбѣ противъ прямаго своего начальника, при томъ на поприщѣ дипломатической службы, гдѣ подобная опозиція меньше всего можетъ быть терпима, такъ какъ непосредственно можетъ невыгодно отозваться на политическихъ отношеніяхъ государствъ между собою. На эту непростительную, никоимъ образомъ не оправдываемую опозицію посла противъ состоящаго въ главѣ русской дипломатіи министра было уже указано въ рецензіи, помѣщенной въ Journal de St. Pétersbourg и составленной лицемъ очевидно компетентнымъ и вполнѣ знакомымъ со всѣмъ этимъ дѣломъ.

Чрезмѣрное развитіе самомнѣнія и чувства непогрѣшимости у графа Киселева объясняется опять таки тѣми благопріятными отношеніями, въ которыхъ онъ состоялъ къ императору Николаю Павловичу. Государь, убѣдившись разъ на всегда, что взглядъ Киселева на крестьянское дѣло совершенно совпадаетъ съ его мыслями и намѣреніями, узнавши на дѣлѣ, что Киселевъ никогда не отступится отъ дѣла изъ личныхъ или другихъ посторонних видовъ, но что также никогда не пойдетъ дальше предѣловъ, ука-

[1]) IV. 294.

занныхъ намѣреніями и желаніями Государя — оказывалъ ему почти неограниченное довѣріе. Такимъ образомъ Киселевъ привыкъ управлять Министерствомъ государственныхъ имуществъ совершенно самостоятельно и независимо отъ другихъ государственныхъ учрежденій, считаясь только съ личною волею Государя. Онъ управлялъ своимъ министерствомъ какъ совершенно особымъ учрежденіемъ, не имѣющимъ ничего общаго съ прочими частями, какъ будто отдѣльнымъ государствомъ въ государствѣ. По сообщаемымъ авторомъ фактамъ можно прослѣдить, какъ эта привычка, не знать никакихъ посредниковъ между собою и Государемъ, и воспитанное симъ положеніемъ высокомѣріе, привели его къ скрытой борьбѣ противъ своего начальника и его политики, т. е. противъ политики Государя и Россіи!

Авторъ говоритъ (III. 6.): «что графъ Киселевъ, пользовавшійся такъ долго драгоцѣннымъ для подданнаго правомъ обращаться письменно и словесно непосредственно къ самому монарху, не могъ идти охотно на поприще, ставившее его въ зависимость, особенно въ общемъ направленіи дѣлъ, отъ министерства иностранныхъ дѣлъ». Дѣло шло о назначеніи его посломъ въ Парижъ послѣ заключенія мира въ 1856 году, гдѣ чрезвычайнымъ посломъ, почти самостоятельнымъ и съ обширными полномочіями, былъ пріятель и товарищъ его князь А. Ѳ. Орловъ. Для Россіи было тогда дѣломъ первой важности, установить отношенія къ Франціи на дружеской ногѣ. Слѣдовало продолжать дѣло сближенія, сначала правительства и дворовъ, а затѣмъ и самихъ государствъ, столь удачно начатое княземъ Орловымъ. Избираемый для достиженія этой цѣли посолъ, по этому, по положенію своему, долженъ былъ быть лице съ вѣсомъ, знакомое съ дѣлами, близкое къ Государю, по личнымъ качествамъ человѣкъ способный играть первую роль между дипломатами при дворѣ, наконецъ какъ представитель Россіи, побѣжденной въ послѣдней войнѣ, лице съ тактомъ и проникнутое чувствомъ собственнаго достоинства, чтобы при случаѣ легко и безъ особеннаго напряженія поддержать достоинство Россіи какъ великой державы. Трудно было бы выбрать, для исполненія этихъ задачъ, лице болѣе соотвѣтствующее всѣмъ необходимымъ требованіямъ, чѣмъ графъ Киселевъ. Назначеніе его было ему сообщено самимъ Государемъ въ самой лестной формѣ, какую только можно было придумать, въ формѣ просьбы о пожертвованіи. Графъ Киселевъ вездѣ и во всемъ являлся пламеннымъ патріотомъ. Своему патріотизму пожертвовалъ онъ отношеніями къ люби-

мой когда-то женѣ, по крайней мѣрѣ насколько намъ извѣстно. Итакъ его патріотическое чувство требовало, чтобы онъ вполнѣ и цѣликомъ отдалъ себя возложенной на него новой задачѣ. Съ самаго начала онъ дѣйствительно правильно смотрѣлъ на новое свое назначеніе: что, какъ ни тяжело ему было рѣшиться, онъ не вправѣ отказаться и изъ преданности Государю долженъ былъ принять на себя эту новую должность.

Онъ писалъ тогда брату (III. 7.): «Я никогда ничего не просилъ *для* себя, не искалъ ни мѣстъ ни должностей и никогда не позволялъ себѣ отказываться отъ тѣхъ, которыя на меня возлагали». Рѣшившись разъ принять новую должность изъ патріотизма и преданности Государю, заявивши, что отстраняетъ отъ себя отвѣтственность за могущіе быть неуспѣхи и проситъ Государя принять оную на себя — онъ ужъ долженъ былъ вполнѣ, во всемъ и всегда, подчиняться условіямъ новаго положенія, отдаться весь обязанностямъ своей должности и подчиняться вполнѣ указаніямъ и руководству министра.

Къ сожалѣнію, графъ Киселевъ не такъ дѣйствовалъ. Въ упомянутой уже рецензіи въ Journal de St. Pétersbourg изложены весьма основательныя соображенія по этому дѣлу и въ связи представленъ весь ходъ русской политики за время посольства Киселева; не желая повторять то, что такъ отчетливо и ясно изложено въ этой статьѣ, мы ограничимся указаніемъ на факты, которые рисуютъ образъ дѣйствія графа Киселева.

Онъ пишетъ брату, 8 августа 1856 г. (III. 8), т. е. въ то время, когда онъ еще управлялъ Министерствомъ государственныхъ имуществъ и вовсе еще не вступилъ въ должность посла: «Затрудненія ожидаютъ меня въ Парижѣ, но въ нихъ не будетъ недостатка и въ Петербургѣ; въ настоящую минуту я на заднемъ планѣ. Горчаковъ и Морни совѣщаются о дѣлахъ непосредственно. Я не мѣшаюсь теперь, но позже мы увидимъ». Въ послѣднихъ словахъ слышится его честолюбіе. Подчиненіе князю Горчакову ему очевидно тягостно. Князь А. М. Горчаковъ былъ десятью годами моложе Киселева и началъ свою служебную карьеру въ то время, когда Киселевъ былъ уже генераломъ. Когда послѣдній давно былъ Министромъ, Горчаковъ назначался посланникомъ при небольшомъ государствѣ, долгое время занималъ подобныя должности и лишь въ 1854 году назначенъ былъ посланникомъ въ Вѣну. Здѣсь, при непріязненномъ для Россіи направленіи австрійской политики, умѣлъ отстоять русскіе интересы съ такою настойчивостію и ловкостью,

что Государь, по заключеніи Парижскаго мира, назначилъ его Министромъ иностранныхъ дѣлъ. Такимъ образомъ, въ концѣ служебной карьеры своей, графъ Киселевъ очутился подчиненнымъ лицу младшему лѣтами и службою. Въ царствованіе Императора Николая Павловича старшинство службы соблюдалось съ такою заботливостью и даже мелочностью, что оно породило чуть ли не мѣстническіе споры и расчеты. Графъ Киселевъ, который шелъ довольно скоро въ гору и оставлялъ за собою многихъ сверстниковъ, кажется не хотѣлъ допускать подобнаго повышенія за личныя заслуги въ другихъ, когда замѣшано было его честолюбіе. Кромѣ того онъ очевидно не могъ забыть, что князь Орловъ, котораго онъ привыкъ считать своимъ, хотя старшимъ, товарищемъ, не давно былъ въ Парижѣ посломъ совершенно самостоятельнымъ. Очевидно, его честолюбіе заставляло его мечтать, что онъ фактически будетъ играть подобную же первенствующую роль. Между тѣмъ на первыхъ же порахъ пребыванія въ Парижѣ ему готовилась непріятность — тяжелая для его щекотливаго самолюбія, пишетъ авторъ. Это было извѣстное дѣло о Болградѣ. Дѣло шло объ истолкованіи точнаго смысла ст. 20 Парижскаго трактата и поэтому положено было, разсмотрѣть этотъ вопросъ вновь въ конференціи изъ тѣхъ уполномоченныхъ, которые участвовали въ подписаніи мирнаго договора. Если бы даже неучастіе посла въ этомъ дѣлѣ ставило его въ неловкое положеніе, все же такъ какъ это неучастіе основывалось на обстоятельствахъ, вытекавшихъ изъ сущности разсматриваемаго вопроса, то онъ могъ faire bonne mine au mauvais jeu. Однако гр. Киселевъ глубоко раздраженъ; онъ пишетъ брату (III 12—13): «я нахожусь въ минуту кризиса... я не могу и не хочу быть куклою; я отстранился и написалъ князю Горчакову, что можно отозвать посла, но не отстранять его временно; что я устраняю мое личное достоинство, но не могу себя компрометтировать какъ посла и потому прошу испросить разрѣшеніе Государя... я рѣшился не позволять подставлять мнѣ ногу и считаю себя почти счастливымъ, что представляется причина къ удаленію отъ дѣлъ... Я ожидаю не горячась и сдѣлаю то, что я долженъ сдѣлать». Несмотря на это горячее заявленіе графъ Киселевъ остался посломъ, хотя не участвовалъ въ конференціи и неизвѣстно какія получилъ успокоенія изъ Петербурга. Если бы получилъ блестящее удовлетвореніе, то при той важности, какую придавалъ подобнаго рода дѣламъ, непремѣнно записалъ бы о томъ въ дневникѣ или упомянулъ бы въ письмахъ къ брату. Въ

концѣ концовъ большая щекотливость, сильное и совершенно напрасное раздраженіе и никакихъ послѣдствій!

Съ парижскимъ обществомъ графъ Киселевъ скоро свыкся и пользовался въ немъ большимъ почетомъ и уваженіемъ, при томъ со стороны лицъ самыхъ различныхъ партій. Императоръ, который тогда былъ въ апогеѣ своей силы, и въ особенности императрица, видимо отличали его, и онъ былъ въ весьма близкихъ отношеніяхъ къ обоимъ и очень дорожилъ этими отношеніями. Хотя это не мѣшало ему примѣчать и вѣрно оцѣнивать слабыя стороны и промахи императорскаго правительства, однако оно повліяло на него столько, что онъ рекомендовалъ политику, которую можно назвать политикой страха. Въ запискѣ, представленной Государю въ Киссингенѣ въ іюнѣ 1857 года, мы читаемъ (III 28):

«Было бы въ интересѣ Франціи, еслибъ Наполеонъ привлекъ къ себѣ значительныхъ людей прошлаго царствованія и употреблялъ бы съ разумѣніемъ... успѣхъ былъ бы несомнѣнный, но воля монарха подчиняется корыстнымъ стремленіямъ его приближенныхъ; это—роковое послѣдствіе его происхожденія... Тѣмъ не менѣе нельзя не признать, что положеніе его во Франціи и въ Европѣ могущественное, что умѣренность, которую онъ обнаруживаетъ во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ, доставляетъ ему рѣшительный перевѣсъ въ направленіи дѣлъ... что всего вреднѣе для него увлеченіе опасными предпріятіями, къ которымъ онъ склоненъ. Если все это вѣрно, то удержаніе Наполеона во главѣ Франціи не только желательно, но для Европы настоятельно необходимо... Страхъ красной республики, которая одна можетъ воцариться послѣ Наполеона, составляетъ его силу и покоряетъ ему умы людей, которые, по своему прошлому, лично ему враждебны. Европа хорошо сдѣлала бы, послѣдовавъ ихъ примѣру». Несмотря на положительное желаніе сближенія съ Франціею, ни Государь ни министръ не могли рѣшиться принять програму, которая возвела бы въ систему политику страха. Для Киселева же рекомендованная имъ разъ политика осталась на всегда единственно умною и правильною. Такъ какъ князь Горчаковъ, къ счастію Россіи, отклонилъ эту политику, то и началась глухая борьба Киселева противъ него, выразившаяся не то въ простодушныхъ не то въ странныхъ и неумѣстныхъ попыткахъ настоять на своемъ, попыткахъ, которыя со временемъ приняли болѣе рѣзкую форму. Такъ напр. передъ свиданіемъ Государя съ императоромъ Французовъ въ Штутгартѣ, онъ, не имѣя никакого порученія, составилъ програму для

этого свиданія, которую Государь устранилъ словами: «Тутъ много здравыхъ идей, но мы уже сочинили програму». Убѣдившись, что князь Горчаковъ не поддается его взглядамъ, Киселевъ выражаетъ свое неудовольствіе, записывая о немъ (III. 39): «Онъ говоритъ мнѣ между прочими пустяками, что ищетъ человѣка, который помогъ бы ему уничтожить параграфы Парижскаго трактата, касающіеся Черноморскаго флота и границы Бессарабіи; что онъ его ищетъ и найдетъ». Довольно странно читать подобное ироническое заявленіе въ дневникѣ русскаго государственнаго человѣка. Со стороны Киселева оно объясняется отчасти тѣмъ, что онъ считалъ союзъ съ Франціею дѣломъ гораздо болѣе важнымъ, нежели отмѣну неблагопріятныхъ для Россіи статей Парижскаго трактата. По его мнѣнію, Россія въ союзѣ съ Франціею могла достигнуть преобладанія даже въ Азіи. Желая союза Россіи съ Франціею, при сохраненіи и развитіи существовавшаго уже союза съ Пруссіею, Киселевъ впрочемъ отстранялъ всякую мысль объ участіи Россіи въ войнѣ для передѣлки карты Европы (III. 77). Когда, въ отвѣтъ на его политическую исповѣдь, князь Горчаковъ писалъ ему, что «Государь прочиталъ съ живѣйшимъ интересомъ его сообщеніе о его пребываніи въ Компіенѣ», графъ Киселевъ не понялъ заключающееся въ этомъ отвѣтѣ вѣжливое, и для всякаго другаго вразумительное, отклоненіе его видовъ и проектовъ, и постоянно возвращался къ своему проекту оборонительнаго союза.

Его пристрастіе къ этому союзу дѣлаетъ его положительно слѣпымъ относительно политики императора Наполеона. Такъ, извѣстное рѣзкое обращеніе Наполеона къ австрійскому послу, барону Гюбнеру, по поводу Италіи, Киселевъ объяснялъ неудовольствіемъ Наполеона австрійскою политикою относительно Сербіи и придунайскихъ княжествъ. Такое объясненіе льстило самолюбію графа Киселева, ибо такой оборотъ означалъ бы побѣду русской политики и доказывалъ бы справедливость его предположеній. Онъ былъ такъ ослѣпленъ, что на-слово вѣрилъ миролюбивымъ увѣреніямъ Валевскаго, Морни и самого Наполеона — и только въ концѣ февраля убѣдился въ лживости этихъ увѣреній и, какъ замѣчаетъ авторъ, съ горечью записалъ: «Можно расшатать весь міръ, когда рычагомъ служитъ собственная смышленность, а точкою опоры глупость другихъ» (III. 81—88). Къ счастію, русская политика въ свое время не поддалась внушеніямъ графа Киселева; поэтому никакихъ міровыхъ расшатаній не послѣдовало и война оставалась локализированною. Киселевъ выражается о Наполеонѣ весьма

презрительно: (III. 89). «Надо признаться, что въ послѣдніе 14 мѣсяцевъ замѣчается большое колебаніе въ дѣйствіяхъ правительства. Глубокія соображенія уступаютъ мѣсто безразсуднымъ *поступкамъ и можно подумать, что сфинксъ ни что иное, какъ фигляръ*. Въ Тюльери упоены властью и спотыкаются». Другой, менѣе пропитанный чувствомъ собственнаго достоинства, созналъ бы ошибочность своихъ сужденій. Не такъ графъ Киселевъ. Онъ остается при своемъ мнѣніи, ему и въ голову не приходитъ, что онъ могъ ошибиться (III. 100); напротивъ, онъ кажется недоволенъ, что не слушаютъ его совѣта, и отзывается не иначе, какъ иронически о князѣ Горчаковѣ (напр. 115. 235). Явное пристрастіе его къ императорскому правительству Франціи поразило принца-регента прусскаго. По этому поводу онъ записываетъ въ дневникѣ: «Я хорошо это зналъ и желаю, чтобъ мой взглядъ послужилъ на *пользу Пруссіи и для упроченія европейскаго мира*». Видно, опытъ прошелъ для него даромъ и несмотря на сознанную неблагонадежность политики Наполеона и презрительный отзывъ о смышленности его и глупости прочихъ, онъ не отказывался отъ заявленнаго разъ мнѣнія о пользѣ русско-французскаго оборонительнаго союза. Къ счастію Россіи Государь и князь Горчаковъ относились съ большею осторожностью и проницательностью къ французской политикѣ. Весьма любопытно то, что записано о словахъ Государя въ дневникѣ Киселева (III. 129 и 130). Но на Киселева это не подѣйствовало, онъ опять остался при своемъ мнѣніи и занялся составленіемъ новой записки о необходимости Наполеона для Европы. *Ему и на умъ не приходило, что онъ могъ ошибиться, что на основаніи его же данныхъ можно прійти къ другимъ выводамъ, нежели онъ*. Въ концѣ 1859 года онъ сталъ замѣчать холодность Наполеона къ Россіи (III. 137). Въ началѣ 1860 года, когда князь Горчаковъ отклонилъ участіе въ конгресѣ, потому что послѣднему довелось бы утвердить сдѣлку, заключенную уже между Франціею и Англіею, Киселевъ записываетъ въ своемъ дневникѣ: «я вполнѣ сочувствую воздержанности кн. Горчакова относительно конгреса, съ чѣмъ и поздравляю его». При его образѣ выраженія неизвѣстно, поздравляетъ ли онъ его съ воздержанностью относительно конгреса, или съ тѣмъ что онъ, графъ Киселевъ, сочувствуетъ его воздержанности. Вскорѣ послѣ того *сдѣлалась извѣстною* уступка Савойи и Ниццы. Киселевъ и тутъ не понялъ или не хотѣлъ понять, что Россія, еслибы слѣдовала его совѣту и заключила *оборонительный* трактатъ съ Франціею, очутилась бы въ

весьма неловкомъ и ложномъ положеніи относительно другихъ державъ. Изъ выдержекъ, напечатанныхъ на стр. 166 (III, т.), видно, что никакихъ подобныхъ соображеній у него не появлялось, и что онъ считаетъ себя чуть ли не непогрѣшимымъ. Въ это время Великая Княгиня Елена Павловна предлагала графу Киселеву возвратиться въ Петербургъ для участія въ учреждавшихся комитетахъ по крестьянскимъ дѣламъ или въ Государственномъ Совѣтѣ. Великая Княгиня дѣйствительно всегда высоко цѣнила дарованія и заслуги графа Павла Дмитріевича, и, вѣроятно, зная о разладѣ его съ княземъ Горчаковымъ, хотѣла ему облегчить выходъ изъ ложнаго положенія, въ которое онъ самъ себя поставилъ. Но графъ Киселевъ видѣлъ въ этомъ предложеніи только интригу, чтобы очистить мѣсто посла въ Парижѣ для другаго лица. На стр. 186 онъ съ злорадствомъ записываетъ о неудачѣ мѣры, предписанной ему княземъ Горчаковымъ. Подобное злорадство при неудачахъ русской политики повторяется нѣсколько разъ (ср. 315—317). Къ Варшавской конференціи русскихъ пословъ, во время свиданія Государя съ принцрегентомъ прусскимъ и австрійскимъ императоромъ, графъ Киселевъ опять приготовилъ неизбѣжную записку объ оборонительномъ союзѣ между Франціею и Россіею. Государь ограничился написать на ней слова «противъ кого?» Этотъ весьма естественный и простой вопросъ заключаетъ въ себѣ весьма мѣткую и всетаки мягкую критику, которая для всякаго другаго была бы вполнѣ понятна. Вслѣдъ за тѣмъ Государь два раза предлагалъ ему предсѣдательство въ Государственномъ Совѣтѣ; не смотря на это, не смотря на убѣжденія князя Горчакова, графъ Киселевъ отказался отъ предложенія. Этимъ отказомъ онъ сталъ въ противорѣчіе съ самимъ собою, съ тѣмъ правиломъ, которое онъ самъ провозглашалъ началомъ, коимъ всегда руководствуется: «я никогда не позволялъ себѣ отказываться отъ должностей, которыя на меня возлагали». Конечно, если дѣйствительно его здоровье не позволяло ему принять эту новую должность, онъ имѣлъ полное право отказаться отъ нея, но тогда обязанъ былъ просить отставку отъ должности посла. Какое бы высокое мнѣніе о своихъ дипломатическихъ способностяхъ онъ не имѣлъ, но онъ долженъ былъ понять, что предложеніе Государя могло быть вѣжливымъ намекомъ, что онъ, по существовавшимъ отношеніямъ, въ Парижѣ не на своемъ мѣстѣ. Дипломатическій агентъ весьма часто можетъ быть usé, какъ справедливо замѣчаетъ рецензентъ Journal de St. Pétersbourg, даже безъ всякихъ ошибокъ съ его стороны. Въ такихъ слу-

чаяхъ государственный интересъ требуетъ немедленнаго замѣщенія, и этимъ интересомъ нельзя жертвовать въ угоду щекотливости какой бы то ни было личности. Странно, что его патріотическое чувство не внушило графу Киселеву этихъ столь простыхъ соображеній. Въ немъ заговорило одно самолюбіе; онъ видѣлъ въ предложеніи незаслуженную немилость и личную интригу противъ себя. Авторъ защищаетъ Киселева и какъ бы раздѣляетъ его мнѣніе, что несочувствіе Петербургскаго кабинета императору Наполеону основывалось на сплетняхъ русскихъ туристовъ. Авторъ здѣсь совершенно забываетъ, что осторожная и сдержанная политика русскаго правительства основывалась очевидно на тѣхъ признакахъ ненадежности и легкомыслія, на которыя, въ свое время, указывалъ самъ Киселевъ въ своихъ сообщеніяхъ.

Такъ какъ всѣ попытки, побудить Киселева отказаться отъ посольства, оставались тщетными, правительство, не желая его прямо отозвать, назначило ему въ помощь чрезвычайнаго посланника. Тутъ наконецъ Киселевъ подалъ въ отставку, но не чрезъ Министерство иностранныхъ дѣлъ, а чрезъ Министерство военное.

Даже теперь онъ не допускалъ мысли, что было его обязанностью или по крайней мѣрѣ патріотично, подчиниться политикѣ князя Горчакова. Сдержанныя заявленія Будберга онъ очевидно истолковывалъ въ свою пользу, а вѣжливое письмо Горчакова бѣсило его, потому что въ немъ о его дѣятельности въ качествѣ посла, когда онъ съ самаго начала старался провести свою политику и мѣшать политикѣ канцлера, вовсе не было упомянуто. Его огорчило, что наслѣдный принцъ виртембергскій и Великая Княгиня Ольга Николаевна, при встрѣчѣ съ нимъ, не коснулись его отставки. Онъ даже не понималъ, что именно со стороны сестры Государя и иностраннаго принца какое бы то ни было заявленіе по дѣлу, рѣшенному Государемъ, было рѣшительно неумѣстнымъ.

При изложеніи обстоятельствъ, сопровождавшихъ отставку графа Киселева, пристрастіе автора и односторонность его взгляда проявляются довольно рѣзко. На стр. 296 мы читаемъ: «При укоренившемся въ немъ (гр. Киселевѣ) убѣжденіи о непріязненныхъ отношеніяхъ къ нему министра иностранныхъ дѣлъ и при несогласномъ съ его политическими взглядами направленіи Петербургскаго кабинета, которому онъ невольно (sic!) долженъ былъ подчиняться, онъ въ началѣ 1862 года принялъ твердое рѣшеніе выдти въ отставку по возвращеніи съ водъ». Странное выраженіе, что посолъ *«невольно долженъ былъ подчиняться»*, какъ бы указываетъ, что, по мнѣнію,

автора, онъ можетъ быть и не былъ обязанъ подчиниться, или что собственно министръ долженъ былъ подчиниться мнѣнію Киселева, и что послѣдній только *«невольно»* подчинился! Авторъ такъ ослѣпленъ, что даже не замѣчаетъ, что князя Горчакова можно упрекнуть развѣ въ томъ, что поступилъ слишкомъ деликатно относительно Киселева.

Чтобы прославить проницательность графа Киселева авторъ пишетъ: «Наполеонъ III въ это время (1869 году) находился на вершинѣ своего могущества; Европа его боялась. Графъ Киселевъ однако же, не совсѣмъ вѣрилъ въ прочность его положенія и особенно его династіи». Тутъ первое предложеніе совершенно невѣрное. Наполеонъ въ 1869 году вовсе не находился на вершинѣ своего могущества. Мексиканская экспедиція кончилась разстрѣляніемъ императора Максимиліана; еще въ 1866 году Тьеръ сказалъ свое знаменитое: il n'y a plus une faute à commettre; Наполеонъ уже начиналъ дѣлать уступки либерализму и оппозиція все усиливалась, со всѣхъ сторонъ стали указывать на шаткость его положенія. Напротивъ того, на вершинѣ своего могущества онъ находился развѣ 10 лѣтъ тому назадъ, въ 1859 году. Все это мы знаемъ и независимо отъ записокъ графа Киселева. Изъ наблюденій же Киселева мы узнаемъ, что послѣдній еще въ 1859 году указывалъ на признак упадка власти Наполеона.

Это отсутствіе критики, эту односторонность, это пристрастіе проявляются во всемъ и вездѣ, гдѣ только возможно выставлять графа Киселева съ хорошей стороны.

Читая напр. о дѣятельности Киселева, какъ начальника штаба 1-й арміи передъ войною 1828 года, что будто бы все было и предусмотрѣно и приготовлено, между тѣмъ какъ на дѣлѣ оказалось въ послѣдствіи, что далеко не все было какъ слѣдовало, читатель невольно приходитъ въ недоумѣніе. Очевидно, весьма основательно мнѣніе князя Васильчикова [1]), что тутъ, кромѣ другихъ, можетъ быть, самыхъ важныхъ причинъ, была и неопытность начальника штаба.

Графъ М. А. Корфъ выражается, что Киселевъ «изъ хвастливаго честолюбія далъ конституцію румынскимъ княжествамъ». Авторъ совершенно справедливо замѣчаетъ на это, что органическій регламентъ не политическій, а лишь административный актъ. Этимъ за-

[1]) Русская Старина 1881. Т. XXX, стр. 102.

мѣчаніемъ несправедливое и отчасти злое обвиненіе графа Корфа достаточно отвергнуто, и всякій, желающій составить себѣ самостоятельное мнѣніе объ этомъ дѣлѣ, можетъ убѣдиться въ справедливости того, что говорится у автора, читая органическій регламентъ. Но для автора этого недостаточно, онъ въ своемъ рвеніи желаетъ устранить всякую возможность нападеній на Киселева по поводу регламента. Но какъ это сдѣлать? Надо доказать, что Киселевъ тутъ не причемъ, что регламентъ составленъ не имъ, а независимо отъ него, въ Петербургѣ. Можетъ быть, что дѣйствительно такъ и было. Однако это можно было бы доказать единственно на основаніи положительныхъ данныхъ, изложеніемъ, на основаніи документовъ, исторіи составленія регламента въ Петербургѣ. Не такъ поступаетъ авторъ: онъ ссылается не на факты, а на сужденія весьма умнаго писателя Сенъ-Маркъ-Жирардена, при чемъ онъ тутъ же приводитъ изреченіе этого писателя: Le général Kisseleff est un organisateur. Actif, infatigable, impérieux, aimant à commander, aimant à faire, ne craignant ni les détails, ni les rédites, il trouva dans les principautés de quoi exercer ses talents, car tout était à faire et à organiser; il fit tout et organisa tout, изреченіе, приписывающее все дѣло Киселеву! Наконецъ онъ упустилъ изъ виду, что самъ Киселевъ приписывалъ себѣ честь составленія регламента (III. 23), о чемъ записано въ протоколѣ Парижской конференціи: «Я и прежде думалъ также, какъ то свидѣтельствуетъ составленный мною регламентъ для этихъ княжествъ». Тутъ уже рѣшительно видно отсутствіе всякой критики со стороны автора.

Другой примѣръ, какъ авторъ безъ всякой критики принимаетъ все, что, такъ или иначе, можетъ служить въ оправданіе или восхваленіе графа Киселева, представляетъ слѣдующее мѣсто изъ его книги. Чтобы доказать, что вслѣдствіе постоянныхъ стараній графа Киселева объ облегченіи повинностей государственныхъ крестьянъ и увеличеніи ихъ надѣла, положеніе ихъ въ прибалтійскихъ губерніяхъ было болѣе выгодное, нежели положеніе крестьянъ, живущихъ на помѣщичьихъ земляхъ, авторъ говоритъ между прочимъ: «Наконецъ крестьяне, жившіе въ казенныхъ имѣніяхъ въ Лифляндіи, не принимали никакого участія, ни въ 1841 году, ни въ послѣдующее время, въ религіозномъ движеніи, главною причиною котораго было тягостное, не обезпеченное ничѣмъ положеніе крестьянъ, жившихъ на помѣщичьихъ земляхъ». Авторъ очевидно убѣжденъ въ справедливости того, что говоритъ, но это не можетъ создавать факта. Дѣло въ томъ, что такого факта вовсе не было, объ чемъ

всякій, кто пожелаетъ, можетъ удостовѣриться на мѣстѣ, гдѣ матеріалъ и свидѣтели на лице. Были приходы, въ которыхъ крестьяне жившіе въ казенныхъ имѣніяхъ, не принимали никакого въ этомъ движеніи участія или принимали весьма незначительное, но были и такіе приходы, въ которыхъ крестьяне, жившіе на помѣщичьихъ земляхъ, вовсе не участвовали въ этомъ движеніи или участвовали въ небольшомъ числѣ, между тѣмъ какъ казенные крестьяне того же прихода сильно вдались въ него. Одинъ приходъ, состоявшій только изъ казенныхъ крестьянъ, жившихъ совершенно отдѣльно на небольшомъ островѣ, весь, за исключеніемъ одного семейства, перешелъ въ православіе.

Какъ мало иной разъ заботился авторъ объ основательности и точности того, что утверждаетъ или сообщаетъ, видно изъ слѣдующихъ примѣровъ.

На стр 330, т. II. авторъ пишетъ: «Мы не знаемъ, было ли графу Киселеву, при отъѣздѣ его изъ Россіи, извѣстно что либо о намѣреніяхъ Государя по крестьянскому вопросу» Если вспомнить, что въ концѣ марта 1856 года Государь обратился къ представителямъ дворянства Московской губерніи съ извѣстною рѣчью, которая на дѣлѣ была исходною точкою всего крестьянскаго дѣла, и уже въ то время возбудила сильное вниманіе, что Ланской избралъ Левшина, директора департамента министерства государственныхъ имуществъ, въ свои товарищи, именно съ цѣлью, поручить ему крестьянское дѣло, что Левшинъ уже занимался составленіемъ записки по этому дѣлу, что о крестьянскомъ дѣлѣ начались уже толки въ разныхъ кружкахъ общества, что во время коронаціи велись уже переговоры по этому дѣлу съ предводителями дворянства, то врядъ ли можно сомнѣваться въ томъ, что возбужденіе этого дѣла графу Киселеву было не безъизвѣстно. Въ его дневникѣ и другихъ бумагахъ очевидно нѣтъ никакихъ отмѣтокъ по этому поводу. Авторъ, чтобы Киселева выставить по возможности въ выгодномъ свѣтѣ, выводитъ отсюда заключеніе, что ему объ этомъ вѣроятно ничего не было извѣстно, мысль, которую, впрочемъ, весьма осторожно выражаетъ такъ: *намъ* объ этомъ ничего неизвѣстно. Однако гораздо вѣроятнѣе предположеніе, что нѣтъ никакихъ слѣдовъ этого дѣла въ его бумагахъ, потому что ему непріятно было, что это дѣло поручено не ему, а другому. Весьма странно то обстоятельство, что Киселевъ, вступая на дипломатическую арену и отправляясь въ Парижъ, жалѣлъ только свое «бѣдное министерство, которое оставлялъ на произволъ всѣхъ вѣтровъ,

безъ компаса и безъ кормчаго! 20 лѣтъ непрерывныхъ и добросовѣстныхъ трудовъ, которые, вѣроятно, будутъ поглощены и потеряны! Грустно, но наконецъ»... и ни слова о крестьянскомъ вопросѣ, какъ будто онъ былъ уже разрѣшенъ министерствомъ государственныхъ имуществъ

На той же страницѣ авторъ сообщаетъ объ учрежденіи и составѣ секретнаго комитета по крестьянскому дѣлу. Намъ давно извѣстна исторія этого комитета и авторъ имѣлъ бы полное право не вдаваться въ подробности. Но, сообщая объ немъ подробности, онъ обязанъ былъ справиться о вѣрности ихъ, тѣмъ болѣе, что авторъ—лице, участвовавшее въ крестьянскомъ дѣлѣ. Въ данныхъ автора много погрѣшностей: невѣрно, что Великій Князь Константинъ Николаевичъ съ самаго начала состоялъ членомъ этого комитета, напротивъ того, онъ назначенъ лишь во второй половинѣ 1857 года членомъ комитета; невѣрно, что Тимашевъ назначенъ членомъ комитета, членомъ назначенъ князь Долгоруковъ, а Тимашевъ его заступалъ во время его отсутствія; графа Блудова авторъ совсѣмъ опустилъ, какъ будто его въ этомъ комитетѣ вовсе и не было.

Въ другомъ мѣстѣ авторъ пишетъ (II. 96):

«Отчетъ (по министерству государственныхъ имуществъ) далѣе указывалъ, какъ на одно изъ дѣйствительнѣйшихъ средствъ къ ослабленію пороковъ между крестьянами, на учрежденіе домашняго суда или расправы.. По свѣдѣніямъ, собраннымъ по 35 великороссійскимъ губерніямъ, гдѣ расправы воспріяли свое дѣйствіе съ 1840—1841 годовъ, уже было замѣчено уменьшеніе числа уголовныхъ преступниковъ изъ государственныхъ крестьянъ. Уменьшеніе это состоялось въ слѣдующей пропорціи: въ 1840 году находилось подъ судомъ 8,296, въ 1841 году 6,709, а въ 1842 году только 6,009, изъ нихъ осуждено въ первомъ году 4,457, во второмъ 3,010, въ третьемъ 2,379. Такимъ образомъ, число преступниковъ по великороссійскимъ губерніямъ въ теченіе трехъ лѣтъ уменьшилось вдвое, тогда какъ въ западныхъ губерніяхъ, гдѣ расправы не воспріяли дѣйствія, число преступниковъ не уменьшается». Если даже положимъ, что статистическія данныя начала сороковыхъ годовъ могутъ имѣть серьёзное значеніе (а это по образу сочиненія статистическихъ отчетовъ въ то время весьма сомнительно), то все таки эти числа ничуть не оправдываютъ выводовъ автора. Уменьшеніе числа подсудимыхъ просто объясняется тѣмъ, что часть дѣлъ, подлежавшихъ прежде обсужденію уголовныхъ

судовъ, перешла въ крестьянскія расправы. Уменьшеніе же числа осужденій явленіе слишкомъ сложное, чтобъ можно было его такъ съ перваго взгляда и объяснить.

Весьма странно, что авторъ, который справедливо обратилъ столько вниманія на изображеніе личныхъ отношеній графа Киселева къ Императору Николаю, даже не упомянулъ о кончинѣ послѣдняго, тѣмъ болѣе не изложилъ, какое вліяніе смерть эта имѣла на все положеніе перваго. Нельзя же предполагать, что въ его запискахъ или письмахъ не нашлось ни одной строки, относящейся до кончины Николая Павловича. Если же дѣйствительно въ его бумагахъ не нашлось ни одной строки объ этомъ событіи, то это обстоятельство составляло бы не безъинтересную черту въ характерѣ графа Киселева. Замѣтимъ кстати, что авторъ даже не сдѣлалъ попытки изобразить отношенія графа Киселева къ Наслѣднику, Александру Николаевичу, и положеніе его въ первое время новаго царствованія.

Авторъ, какъ мы видѣли, утверждаетъ, что жизнь графа Киселева выражала собою постоянное стремленіе къ нравственному идеалу законности и правды. Говоря вообще, онъ правъ: графъ Киселевъ не любилъ и осуждалъ произволъ. Однако законность и право не стояли надъ нимъ, выше его, но подъ нимъ въ его распоряженіи, онъ ихъ признавалъ пока считалъ необходимымъ и полезнымъ, однимъ словомъ по собственному своему усмотрѣнію. Такъ напр. нельзя отрицать справедливости упрека, дѣлаемаго Киселеву Корфомъ, что онъ ложный оберегатель казеннаго интереса, хотя конечно могъ бы выражаться мягче. Справедливость этого упрека явствуетъ изъ того, что сообщается на стр. 158 (II т.), гдѣ Киселевъ отстаиваетъ свое мнѣніе о томъ, что давность не распространяется на казну, между тѣмъ какъ законъ императрицы Екатерины, вошедшій въ Сводъ Законовъ, не допускалъ никакого исключенія въ пользу казны; но, какъ видно, уже тогда администрація привыкла руководствоваться не законами, а распоряженіями начальства.

Чтобы доказать свое положеніе, что графъ Киселевъ въ своемъ управленіи министерствомъ государственныхъ имуществъ руководствовался строгою законностью, авторъ приводитъ выдержки и цѣлыя фразы изъ его инструкцій, распоряженій и изъ его объясненій къ всеподданнѣйшимъ отчетамъ [1]). Это все равно, что доказывать

[1]) II. 189—190.

господство законности въ управленіи Россіи, тѣмъ, что въ основныхъ законахъ сказано: «Имперія Россійская управляется на твердыхъ основаніяхъ положительныхъ законовъ»; или утверждать, что толкованіе законовъ у насъ совершается примѣрнымъ образомъ, потому что въ законахъ сказано: «законы должны быть исполняемы по точному смыслу оныхъ, не допуская обманчиваго *непостоянства самопроизвольныхъ толкованій*»; *или сказать*, что, по прежнему порядку производства взысканій по гражданскимъ дѣламъ, все обстояло хорошо, такъ какъ въ законѣ сказано было, что «взысканія производятся съ скоростью и съ строгостью».

Подобнымъ образомъ авторъ оправдываетъ управленіе государственными имуществами отъ упрека въ излишнемъ вмѣшательствѣ по дѣламъ крестьянъ и въ излишнемъ попечительствѣ надъ ними. Его оправданіе состоитъ въ изложеніи того порядка, какого все управленіе и въ частности окружные начальники по закону и инструкціямъ должны были держаться. Авторъ не замѣчаетъ, что онъ этимъ ничего не доказываетъ, такъ какъ, на самомъ дѣлѣ, *окружные начальники* дѣйствовали *иначе*, и нельзя отрицать, что управленіе было слишкомъ сложное и слишкомъ дорогое. Въ концѣ концовъ, на стр. 171, авторъ принужденъ признать основательность высказанныхъ упрековъ. Сообщая, что и самъ Киселевъ созналъ необходимость рѣшительныхъ измѣненій, онъ прибавляетъ: «графъ Киселевъ, однако же, не успѣлъ этого сдѣлать (замѣчаніе о необходимости измѣненій было сдѣлано въ 1842 году а Киселевъ оставался полновластнымъ министромъ по 1856 годъ), сознавая, быть можетъ, что не наступило къ тому еще время». Подобными бездоказательными фразами можно все оправдать!

Также изъ прежняго времени можно привести примѣры, что П. Д. Киселевъ *не всегда заботился* о законности *или* гуманности предлагаемыхъ имъ мѣръ. Такъ, онъ предлагалъ, для усиленія Черноморскаго казачьяго войска, переселить 25,000 малороссійскихъ казаковъ (I. 66). Когда онъ сдѣлался начальникомъ штаба первой арміи, онъ предлагалъ перевести престарѣлыхъ генераловъ въ корпуса, не принадлежащіе къ арміи (II. 103). Доказывая, какъ вредно дѣйствуетъ на солдатовъ отдача бродягъ въ полки, онъ предлагалъ отдавать ихъ не въ армію, а въ корпуса, не состоявшіе подъ его начальствомъ (II. 212).

На стр. 191 т. II мы читаемъ: «графъ Киселевъ не только противился увеличенію прямыхъ съ крестьянъ налоговъ, но, по *возможности, старался облегчать* тягость ихъ. Такъ, въ виду значитель-

наго возвышенія, по новой ревизіи, оклада подушныхъ податей и земскихъ сборовъ, сборъ общественный, употребленіе котораго зависѣло непосредственно отъ министра государственныхъ имуществъ, въ 1853 году былъ имъ уменьшенъ на 506,876 руб. въ годъ». Этотъ образъ дѣйствія министра вызываетъ полное сочувствіе со стороны автора; если не ошибаемся автору въ особенности сочувственно, что министръ поступилъ такъ изъ состраданія къ ближнему. Состраданіе—прекрасное чувство, но когда дѣло идетъ о государственныхъ податяхъ и повинностяхъ, то тутъ никакія соображенія состраданія не умѣстны. Благотворительность сама по себѣ и платежъ податей самъ по себѣ! Здѣсь возможно только одно изъ двухъ: или общественый сборъ могъ быть сокращенъ безъ ущерба дѣлу, тогда, значитъ, онъ былъ назначенъ въ излишествѣ и слишкомъ высоко и его слѣдовало сокращать во всякомъ случаѣ, независимо отъ повышенія подушнаго оклада — или онъ не былъ назначенъ въ излишествѣ, а назначался дѣйствительно на расходы необходимые, на удовлетвореніе положительныхъ потребностей, тогда нельзя было его уменьшать и уменьшеніе необходимо должно было вредно подѣйствовать на общественное хозяйство и бытъ крестьянъ

Самая важная часть дѣятельности графа Киселева относилась къ крестьянскому вопросу и въ частности къ управленію государственными крестьянами. Своею дѣятельностью на этомъ поприщѣ онъ пріобрѣлъ себѣ нѣсколько вѣрныхъ сотрудниковъ и восторженныхъ поклонниковъ, но еще больше непримиримыхъ враговъ. Онъ разошелся почти со всѣми прежними пріятелями; только члены Императорскаго дома не измѣнялись по отношеніи къ нему и онъ, своею дѣятельностью въ пользу крестьянъ, пріобрѣлъ на всю жизнь расположеніе и дружбу Великой Княгини Елены Павловны. Графъ Корфъ, хотя вовсе не поклонникъ графа Киселева, и, по мнѣнію автора, скрытый врагъ его, выражается, что разрѣшеніе крестьянскаго вопроса Киселевъ называлъ своимъ призваніемъ на землѣ. Хотя у Корфа это выраженіе приведено не въ дружелюбномъ смыслѣ, однако въ немъ заключается болѣе вѣрная характеристика дѣятельности Киселева, нежели въ восторженномъ заявленіи автора, что послѣдній стремился къ нравственному идеалу законности, правды и гуманности. Второй томъ сочиненія Заблоцкаго Десятовскаго, въ которомъ заключается описаніе устройства и управленія Киселевымъ министерства государственныхъ имуществъ и участія его въ крестьянскомъ вопросѣ, самый любопыт-

ный и самый важный для исторіи Россіи. Изъ него много весьма любопытныхъ фактовъ дѣлаются впервые извѣстными, и только вслѣдствіе появленія этого сочиненія разъяснились вполнѣ и документально отношеніе Императора Николая Павловича къ крестьянскому вопросу и психологическія причины, побудившія Императора Александра Николаевича приступить къ разрѣшенію его. (II. 208). Къ сожалѣнію, пристрастіе и въ этомъ дѣлѣ побуждаетъ автора преувеличивать значеніе графа. Выше мы привели изреченія автора, въ которыхъ онъ провозглашаетъ: что исторія не забудетъ, что Киселевъ, первый изъ государственныхъ людей Россіи, сталъ утверждать, что наступило время обратить вниманіе на несчастное положеніе крестьянъ, этихъ жертвъ своего невѣжества и безучастнаго къ нимъ отношенія со стороны властей. Мы готовы отдать полную справедливость дѣятельности графа Киселева, но — дѣятельности, каковою она была на самомъ дѣлѣ, а не той, которая рисуется въ воображеніи автора. Мы готовы признать, что дѣйствительно П. Д. Киселевъ былъ въ счастливомъ положеніи, что, первый изъ государственныхъ людей, могъ положительно дѣйствовать для улучшенія быта государственныхъ крестьянъ и на самомъ дѣлѣ дѣйствовалъ съ полною энергіею, съ любовью, непоколебимо, безъ всякаго посторонняго расчета, и что постоянно имѣлъ въ виду приступить къ улучшенію быта и помѣщичьихъ крестьянъ. Приписать же ему первую мысль о томъ, что наступило время обратить вниманіе на несчастное положеніе крестьянъ — это значитъ умалить честь другихъ государственныхъ людей. Первые, которые обратили вниманіе Императора Александра I на несчастное положеніе крестьянъ и на необходимость приступить къ измѣненію ихъ несчастнаго положенія, были Лагарпъ и графъ Мордвиновъ, хотя тутъ же совѣтовали соблюсти большую осторожность. Первые же, которые утверждали, что настала крайняя необходимость оградить крестьянъ твердыми законами отъ произвола, были графъ Кочубей, графъ Павелъ Строгановъ и князь Адамъ Чарторыжскій. Графъ Кочубей требовалъ мѣры въ пользу крестьянъ, на основаніи чувства справедливости и изъ видовъ внутренней политики, князь Чарторыжскій изъ чувства гуманности, «потому что право помѣщиковъ на крестьянъ столь ужасно, что не слѣдовало ничѣмъ удерживаться при нарушеніи его». А графъ Строгановъ объявилъ, что «если въ семъ дѣлѣ заключается опасность, то не въ освобожденіи крестьянъ, а въ удержаніи крѣпостнаго состоянія». Первый, который не только предложилъ, но и осуществилъ мѣру освобожденія крестьянъ съ зем-

лею, былъ, какъ извѣстно, графъ Сергѣй Румянцовъ. Первый, который представилъ Императору Александру I полный планъ постепеннаго освобожденія крѣпостныхъ, по которому, по истеченіи шестидесяти лѣтъ, крестьяне сдѣлались бы полными собственниками земли, былъ графъ Канкринъ. Первый, который неутомимо стремился поставить на очередь вопросъ объ освобожденіи крестьянъ, былъ Николай Тургеневъ. Первый, который представилъ о настоятельной необходимости улучшенія положенія государственныхъ крестьянъ, былъ графъ Сперанскій.

Всѣ эти факты не могли быть безъизвѣстны автору, но его слѣпое пристрастіе къ своему герою заставило приписывать честь, принадлежащую другимъ, послѣднему на томъ основаніи, что въ 1816 г. составлена имъ неважная записка по этому дѣлу.

Весьма любопытно прослѣдить, по сообщенному авторомъ матеріалу, возникновеніе и ходъ новаго плана крестьянской реформы Императора Николая, послѣ того какъ первая попытка, выразившаяся въ проектѣ, разработанномъ комитетомъ 6 декабря 1826 года, вслѣдствіе іюльской революціи и польскаго возстанія осталась безъ послѣдствій (см. на стр. 2 тома II). Мы узнаемъ, что въ 1834 году былъ учрежденъ новый комитетъ, и что, вслѣдствіе разныхъ соображеній, положено было приступить къ преобразованію управленія государственными крестьянами, которое и поручено было графу Киселеву. Во второмъ томѣ подробно изложено постепенное образованіе этого управленія и организація министерства государственныхъ имуществъ. Видно, что автору этотъ предметъ хорошо знакомъ; однако и здѣсь не получаемъ ничего оконченнаго, не получаемъ полной исторіи, хотя узнаемъ весьма важныя данныя, любопытныя указанія на дѣйствіе и значеніе извѣстныхъ мѣръ. Такъ, послѣ главы XXV, содержащей въ себѣ изложеніе важныхъ, доселѣ неизвѣстныхъ переговоровъ Государя съ Киселевымъ, слѣдуетъ, въ XXVI главѣ, изложеніе главныхъ основаній исторіи государственныхъ имуществъ и крестьянъ, которое авторъ считаетъ необходимымъ, очевидно для объясненія преобразованій, предпринятыхъ Киселевымъ. Однако это изложеніе такъ кратко, неполно и неясно, что немногое разъясняетъ. Напр. на стр. 25 т. II читаемъ: «Дворцовыя имущества управлялись обыкновенно хозяйственнымъ образомъ; изъ нихъ образовались въ концѣ XVIII столѣтія, такъ называемыя нынѣ, удѣльныя имѣнія». И только! Далѣе: «Изъ помѣстныхъ земель часть была передана или пожалована въ частное владѣніе, а остальныя, въ началѣ XVIII столѣтія, соединены съ вот-

чинами подъ общимъ названіемъ недвижимыхъ имуществъ». Кто знакомъ съ исторіею поземельной собственности въ Россіи, тотъ пойметъ. что̀ авторъ хотѣлъ сказать; но кому неизвѣстна исторія помѣстій, тотъ въ этомъ предложеніи ничего не пойметъ, или пожалуй составитъ себѣ слѣдующее понятіе: изъ помѣстныхъ земель часть была передана или пожалована въ частное владѣніе (значитъ остальная часть такъ и оставалась въ казенномъ владѣніи), а (эти-то) остальныя земли, въ началѣ XVIII столѣтія (неизвѣстно почему) соединены съ вотчинами! и т. п.

Напрасно авторъ пустился въ исторію государственныхъ крестьянъ и имуществъ, которая ему не подъ силу, съ которой онъ не знакомъ. Ему удается, подъ часъ, весьма мѣтко опредѣлить значеніе того или другаго распоряженія, той или другой мѣры, онъ хорошій коментаторъ, но не историкъ. Такъ напр. онъ (на стр. 30, т. II) справедливо указываетъ на то вліяніе, которое должно было имѣть указъ Екатерины II отъ 19 мая 1769 года, объ отвѣтственности старостъ за недоимки крестьянъ. Но онъ вполнѣ ошибается, полагая, что этимъ указомъ лишь отмѣнена личная отвѣтственность крестьянъ за подати и установлена отвѣтственность обществъ. Эта послѣдняя отвѣтственность была извѣстна уже московскимъ приказнымъ и признана ими весьма удобнымъ средствомъ для бездоимочнаго собиранія податей. Хладнокровное и безцеремонное внесеніе этого правила приказной обыкности въ указъ Екатерины, при томъ въ первые годы ея царствованія, когда она находилась вполнѣ подъ обаяніемъ либеральныхъ идей XVIII вѣка—весьма любопытно.

Въ томъ же родѣ и другія историческія данныя, приводимыя авторомъ: коечто изложено вѣрно, и весьма любопытно, коечто упущено изъ виду. Гораздо болѣе пользы принесъ бы авторъ, еслибъ съ большею подробностію и съ большимъ безпристрастіемъ занялся изслѣдованіемъ того, что сдѣлано было въ пользу государственныхъ крестьянъ при графѣ Канкринѣ; между тѣмъ онъ ограничивается сообщеніемъ двухъ трехъ противорѣчій въ докладахъ графа Канкрина Государственному Совѣту и разсказомъ изъ записокъ Корфа, о ненаходчивости Канкрина въ преніяхъ съ графомъ Киселевымъ. Заслуги графа Канкрина по управленію финансами, кажется, не могутъ подлежать никакому сомнѣнію. Опытъ послѣдняго времени даетъ много поводовъ обратить серіозное вниманіе на его мнѣнія и его дѣятельность. Къ тому это слишкомъ замѣчательная личность, чтобъ можно было отдѣлаться отъ него такъ,

какъ дѣлаетъ это авторъ. О Канкринѣ ср. Шиповъ, очеркъ жизни графа Канкрина и Aus den Reisetagebüchern des Grafen Georg Kankrin mit einer Lebensskizze und Beilagen herausgegeben von A. Graf Keyserling. Въ послѣднемъ сочиненіи напечатанъ отчетъ Канкрина объ управленіи имъ министерства финансовъ въ теченіе двадцати лѣтъ. Въ этомъ отчетѣ излагается и его дѣятельность относительно государственныхъ крестьянъ и государственныхъ имуществъ.

При изложеніи дѣятельности Киселева авторъ, къ сожалѣнію, опять руководствуется своимъ пристрастіемъ. Будучи убѣжденъ въ томъ, что все то, что Киселевъ устроилъ, было хорошо и цѣлесообразно, все изложеніе прежняго порядка направлено на то, чтобы видѣть недостатки и ошибки въ томъ, что имъ отмѣнено и измѣнено. При подобномъ, поверхностномъ и одностороннемъ отношеніи къ дѣлу, дѣлается совершенно непонятнымъ, какимъ образомъ прежніе недостатки и пороки управленія повторялись и послѣ преобразованія управленія государственными имуществами. Значитъ, корень этихъ пороковъ лежалъ глубже, и преобразованія Киселева или вовсе не достигали до него, или тронули его слегка и, во всякомъ случаѣ, не извели его. Корень состоялъ въ общемъ безправіи и въ господствѣ произвола. Преобразованія Киселева имѣли дѣйствительно послѣдствіемъ измѣненіе и улучшеніе управленія. Онъ стремился также къ водворенію законности и гуманности въ управленіи. Но отъ такого стремленія до укорененія и развитія сознанія права въ крестьянахъ еще далеко. Вотъ гдѣ причина, почему преобразованія Киселева не привели къ болѣе значительнымъ результатамъ. Положеніе крестьянъ осталось по праву прежнее, улучшалось только управленіе: они не зависѣли болѣе отъ безучастнаго къ ихъ судьбѣ произвола становыхъ и исправниковъ, но отъ усмотрѣнія, отвѣтственныхъ за ихъ благосостояніе, окружныхъ начальниковъ и цѣлой системы попечительныхъ установленій, состоящихъ изъ болѣе или менѣе просвѣщенныхъ чиновниковъ. Намѣренія Киселева были самыя отличныя, все то, во что онъ самъ могъ вникнуть, гдѣ онъ самъ распоряжался, шло отлично, но, за этимъ исключеніемъ, дѣло не имѣло прочнаго основанія. Это кажется чувствовалъ онъ самъ, когда, отправляясь въ Парижъ, записалъ въ своемъ дневникѣ: «Но мое бѣдное министерство, которое я оставляю на произволъ всѣхъ вѣтровъ безъ компаса и безъ кормчаго! 20 лѣтъ непрерывныхъ и добросовѣстныхъ трудовъ, которые, вѣроятно, будутъ поглощены и потеряны!» Самое знаменательное въ этомъ вздохѣ то, что Киселевъ самъ сознается, что

оставляетъ министерство *безъ компаса!* Значитъ, по его собственному сознанію, это учрежденіе не имѣло твердаго основанія въ самомъ себѣ, въ своемъ значеніи и своей необходимости, напротивъ, его значеніе и самое существованіе зависѣли отъ личности начальника. Односторонность и ослѣпленіе автора, вслѣдствіе его пристрастія, такъ сильны, что онъ какъ бы дѣлаетъ упрекъ Государственному Совѣту изъ того, что тотъ полагалъ, что вопросъ объ устройствѣ государственныхъ крестьянъ можетъ быть рѣшенъ лишь преобразованіемъ настоящей системы податей на лучшихъ и уравнительныхъ началахъ, и что это можетъ быть достигнуто лишь поземельнымъ устройствомъ ихъ, и что государство можетъ заботиться о ихъ благосостояніи на столько, на сколько побуждали къ тому матеріальныя выгоды казны, фискальные интересы. Мы полагаемъ, что тутъ нечего упрекать Государственный Совѣтъ; даже по изложенію автора Государственный Совѣтъ былъ совершенно правъ и его взглядъ на дѣло весьма основательный (ср. стр. 34—39). Авторъ же отвергаетъ мнѣніе Государственнаго Совѣта очевидно потому, что, по мнѣнію Киселева, для улучшенія быта государственныхъ крестьянъ самое главное было покровительство и наблюденіе, т. е. управленіе, а уравненіе податей и поземельное устройство стояло на второмъ планѣ (II. 17, 18, 52).

Непонятно какъ авторъ, изображая недостатки тогдашняго управленія, тяжесть и изнурительность его для крестьянъ, не замѣтилъ, что точь въ точь такимъ же образомъ описывается положеніе крестьянъ въ нашихъ журналахъ, по новѣйшимъ современнымъ наблюденіямъ, а нынѣ кажется всѣ согласны въ томъ, что лишь податная реформа можетъ помочь дѣлу.

Авторъ не обратилъ также вниманія на то, что существующее нынѣ управленіе государственными имуществами, замѣнившее введенное графомъ Киселевымъ, весьма сходно съ тѣмъ, какое предлагалъ Государственный Совѣтъ пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ.

Порицаніямъ управленія государственныхъ имуществъ авторъ посвятилъ цѣлую главу, въ которой старается защитить и оправдать это управленіе отъ возведенныхъ на него наговоровъ. Защита и оправданіе весьма обстоятельны и основательны (с. 165—172). По нашему мнѣнію, только одно весьма важное обстоятельство упущено авторомъ совершенно изъ виду: различный характеръ, какой могутъ имѣть правительственные попечительство и надзоръ надъ крестьянами. Они могутъ быть такого рода, что крестьяне останутся навсегда въ постоянной и неизмѣнной зависимости и

опекѣ, но они могутъ также воспитывать и возбуждать въ крестьянахъ самодѣятельность и самостоятельность. Тотъ или другой характеръ придается правительственному попечительству конечно не заявленіями, увѣреніями и т. п. фразами, но единственно правильнымъ устройствомъ управленія и положительными дѣйствіями его. Учрежденіемъ и дѣйствіями министерства государственныхъ имуществъ достигнуто было, очевидно, лишь попечительство перваго рода и хотя графъ Киселевъ убѣдился въ недостаточности его, но повидимому онъ успокоивался на этомъ въ убѣжденіи, можетъ быть, что онъ успѣетъ и съумѣетъ, въ свое время, довести дѣло до конца. Онъ такъ убѣжденъ былъ въ великомъ значеніи своихъ учрежденій и уставовъ, что, несмотря на то, что всѣ въ свое время были утверждены Высочайшею властью, публикованы Сенатомъ, всѣ затѣмъ вошли въ Сводъ Законовъ, онъ настойчиво добивался новаго вторичнаго утвержденія ихъ въ формѣ особаго сборника. Когда это ему не удалось, то предложилъ, когда Государь по случаю коронованія, вмѣстѣ съ льготами народу, желалъ соединить милости и отличія для разныхъ сословій, о внесеніи въ манифестъ статьи о подтвержденіи правъ, дарованныхъ сословію государственныхъ крестьянъ, въ томъ пространствѣ, въ какомъ они вошли въ Сводъ Законовъ (II. 145—151). Въ этомъ случаѣ даже авторъ замѣчаетъ, что подтвержденіе того, что уже внесено въ Сводъ Законовъ, не могло имѣть никакаго значенія.

Есть и другіе признаки того, что графъ Киселевъ въ крестьянскомъ дѣлѣ, произведенное имъ устройство государственныхъ крестьянъ считалъ какъ бы окончательнымъ: такъ онъ указывалъ на неправильность—называть земли, состоящія во владѣніи крестьянъ, крестьянскими.

Въ 1852 году графъ Киселевъ писалъ графу Воронцову: «Очень ошибочно думали о моихъ воззрѣніяхъ на счетъ крѣпостнаго права. По тому, что было сдѣлано въ княжествахъ, и еще болѣе по разнымъ запискамъ, которыя я имѣлъ случай представлять въ качествѣ члена комитета, бывшаго подъ предсѣдательствомъ кн. Васильчикова, можно достаточно убѣдиться въ томъ, что никогда не было рѣчи объ абсолютномъ освобожденіи, а только единственно о регуляризаціи крѣпостнаго права, съ цѣлью отнять у дурныхъ помѣщиковъ возможность злоупотреблять своими правами, случайно введенными въ сводъ нашихъ законовъ и несогласныхъ съ справедливостью». Далѣе онъ говоритъ о «непреодолимыхъ трудностяхъ (II. 325—327), которыя представляетъ еще у насъ регули-

рованіе крѣпостнаго права и которымъ Императоръ Николай Павловичъ долженъ былъ уступить, какъ ни горячо желалъ рѣшенія столь важнаго вопроса». Изъ этого письма видно, что графъ Киселевъ подчинился господствовавшему, въ послѣдніе годы царствованія Императора Николая, взгляду на крѣпостное право. По крайней мѣрѣ онъ отвергалъ «абсолютное освобожденіе крестьянъ» и признавалъ препятствія «непреодолимыми», между тѣмъ какъ князь М. С. Воронцовъ постоянно указывалъ на необходимость и возможность положительныхъ мѣръ къ ограниченію произвола.

Такой взглядъ графа Киселева объясняется тѣмъ, что онъ собственно не былъ человѣкъ самостоятельной инициативы. Онъ былъ человѣкъ, такъ сказать, исполнительный. Мы этимъ словомъ никакъ не желаемъ умалить его значеніе или унизить его, мы желаемъ понять его характеръ и дѣятельность. Слово исполнительный не должно быть истолковано въ узкомъ, ограниченномъ смыслѣ. Напротивъ того, оно должно быть понято въ обширномъ смыслѣ, не исключающемъ самостоятельной дѣятельности исполнителя. Исполнительнымъ въ этомъ смыслѣ можетъ быть только человѣкъ, самостоятельно дошедшій до той-же мысли, которую берется осуществить.

Графъ Киселевъ совершенно вникалъ въ мысли Государя Николая Павловича, усвоилъ ихъ себѣ и при осуществленіи и исполненіи поступалъ такъ, какъ поступалъ бы Государь и никогда не ходилъ дальше, чѣмъ ходилъ бы Государь. Его вѣрность и преданность не допускали и мысли завлечь Государя дальше, чѣмъ онъ хотѣлъ идти. Какъ человѣкъ исполнительный въ этомъ обширномъ смыслѣ, онъ былъ неоцѣнимъ, потому что при самомъ исполненіи, въ своей дѣятельности выказывался человѣкомъ умнымъ, неутомимымъ и энергичнымъ. Въ этомъ смыслѣ изреченіе автора, что «П. Д. Киселевъ принадлежалъ къ тѣмъ избраннымъ натурамъ, опустѣвшее мѣсто которыхъ не замѣщается скоро» совершенно справедливо.

Но, по чрезвычайно сильному въ немъ чувству собственнаго достоинства, онъ могъ быть исполнителемъ только непосредственной мысли и воли Государя: въ такомъ только случаѣ имѣлъ онъ въ виду дѣло и самъ безусловно устранялъ притязанія своего щекотливаго самолюбія. Такъ, когда Государь Александръ Николаевичъ приступилъ къ разрѣшенію крестьянскаго вопроса, графъ Киселевъ, хотя, можетъ быть, когда то надѣялся, что это дѣло будетъ поручено ему, или будетъ рѣшено тѣмъ способомъ, который предложитъ онъ,

или на тѣхъ основаніяхъ, которыя примѣнялъ онъ къ устройству государственныхъ крестянъ, откровенно и съ восторгомъ сталъ на сторону реформы и, сколько могъ въ новомъ своемъ положеніи, старался содѣйствовать Государю, и дѣйствительно содѣйствовалъ. Давно уже извѣстно то вліяніе, какое въ крестьянскомъ дѣлѣ имѣла на Государя Великая Княгиня Елена Павловна. Но недавно только указано на содѣйствіе, оказанное Государю Государынею Маріею Александровною. Теперь изъ дневника графа Киселева мы узнаемъ, что это содѣйствіе или возбуждено было, или поддерживалось его патріотическими совѣтами. То, что онъ занесъ объ этомъ на страницы своего дневника, принадлежитъ къ самымъ сочувственнымъ, самымъ прекраснымъ и самымъ любопытнымъ мѣстамъ этого дневника. Тутъ слышится, кромѣ его тонкаго ума и такта, и теплое чувство, истинный патріотизмъ и нелицемѣрная преданность.

Совершенно другое было, когда его заставляли подчиняться кому либо другому, тогда имъ овладѣвало исключительно его самолюбіе и онъ былъ недоступенъ для другихъ соображеній и представленій, хотя бы онѣ шли отъ лицъ несомнѣнно ему доброжелательныхъ. Этимъ объясняется его поведеніе противъ князя Горчакова и отказъ на предложеніе Государя принять предсѣдательство въ Государственномъ Совѣтѣ. Онъ видѣлъ въ этомъ предложеніи не прямую волю Государя—иначе онъ бы подчинился ему — а послѣдствіе интриги, направленной на то, чтобы уронить его въ глазахъ Государя и вытѣснить изъ Парижскаго посольства. Онъ оставался на своемъ мѣстѣ, чтобы настоять на своемъ, доказать правильность своихъ политическихъ воззрѣній и не дать себѣ подставить ногу—и ничего не достигъ.

То что онъ сдѣлалъ по крестьянскому дѣлу и управленію государственными имуществами и государственными крестьянами, хотя въ свое время свою пользу принесло, однако окончательной цѣли не достигло. Рецензентъ Отечественныхъ Записокъ справедливо замѣчаетъ: Мы не связываемъ дѣло реформы 19 февраля съ именами Киселева и Заблоцкаго-Десятовскаго, это печально, но въ этомъ есть своя логика и своя справедливость.

Соображая все нами изложенное, мы приходимъ къ заключенію, что сочиненіе А. П. Заблоцкаго-Десятовскаго, какъ историческое изслѣдованіе, не соотвѣтствуетъ своей цѣли. Въ немъ слишкомъ много пробѣловъ, въ немъ упущены изъ виду матеріалы, которые не заключались въ тѣхъ архивахъ, разработкою коихъ авторъ занимался, наконецъ изслѣдованіе страдаетъ отсутствіемъ почти всякой

критики. Съ другой стороны въ этомъ сочиненіи публиковано множество весьма важныхъ и любопытныхъ, доселѣ неизвѣстныхъ историческихъ данныхъ, замѣтокъ и т. д., представляющихъ собою богатый матеріалъ для современной исторіи. Этотъ матеріалъ такъ важенъ, что авторъ, сообщеніемъ его, заслужилъ благодарность всѣхъ интересующихся современною исторіею. Авторъ, конечно, сдѣлалъ бы гораздо лучше, если бы ограничился изданіемъ извлеченныхъ изъ доступныхъ ему архивовъ актовъ, включивъ сюда и записки и дневникъ, присоединивъ къ нимъ свои объясненія и замѣчанія въ видѣ коментарія. При такомъ способѣ изданія, большая часть замѣченныхъ недостатковъ устранилась бы сама собою и сочиненіе должно было бы признать достойнымъ преміи.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Февраль. 1883 г.
Непремѣнный Секретарь, Академикъ *К. Веселовскій.*

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
(Вас. Остр., 9 л., № 12.)